КРАСНАЯ ЛИНИЯ

ПОВЕСТЬ

ДАРЬЯ ВЕЛЬСКАЯ

Дарья Вельская

Красная линия

«Автор»
2026

Вельская Д.

Красная линия / Д. Вельская — «Автор», 2026

Ася Бородина — кадастровый инженер. Она верит приборам, а не людям: люди ошибаются, сантиметры — никогда. Поэтому, когда в СНТ «Липки» под Костромой две семьи тридцать два года делят сорок сантиметров земли, председатель вызывает именно её.Задача простая: приехать, замерить, поставить точку до пятнадцатого ноября. Но в «Липках» всё устроено иначе. Электричка на каждой остановке забывает, куда едет, журнал происшествий начинается с лисы, а у каждого забора своя правда и свой чайник на плите. И ещё здесь есть Матвей Ермолин — учитель географии из семьи одной из спорящих сторон, с которым у Аси выходит куда больше разговоров, чем нужно для работы.Чем точнее она измеряет, тем яснее понимает: красная линия — не только межа. За этим спором стоит ночь, о которой тридцать два года молчали.Уютная романтическая повесть об осени, дачных соседях и границах, которые иногда стоит перейти.

© Вельская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Электричка и сапоги 5
Глава 2. Две записки и одна банка 7
Глава 3. Сорок сантиметров 9
Глава 4. Государственная земля 11
Глава 5. Дело №1 13
Глава 6. Общее собрание 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Красная линия

Глава 1. Электричка и сапоги

«Журнал происшествий СНТ “Липки”. 14 сентября, 06:10. Прошла лиса. Председатель в курсе. Лиса не в курсе».

Электричка из Костромы шла сорок минут и останавливалась так часто, будто каждый раз забывала, куда едет. Ася Бородина не умела смотреть в окно просто так. Она считала столбы, сверяла километровые отметки с временем в пути и к третьей остановке знала, что расписание врёт на полторы минуты. Не потому, что это было нужно. С цифрами в голове было спокойнее, чем без них.

На коленях у неё стоял кофр с приёмником: четыре килограмма спутниковой точности, которые стоили как подержанная машина. Рядом, на смежном сиденье, лежали штатив и две вехи. Напротив дремал мужчина с рассадой в пенопластовом лотке, и каждые две минуты листок рассады тянулся к пульту вехи. Ася передвинула веху.

Ей было тридцать четыре. Одиннадцать лет в кадастре приучили её главному: люди, чьи границы она рисует, всегда ошибаются, а сантиметры — никогда. Поэтому людям она предпочитала приборы.

На платформе «412-й километр» не было ни кассы, ни навеса, ни мостка — только бетонная плита, рыжая кошка с видом начальника станции, две бабушки с тачками и женщина в резиновых сапогах, стоявшая с видом человека, который проверяет расписание лично. Её взгляд прошёл по вагону, по кофру, по вехам и остановился на Асе.

— Бородина? Кадастровая?

— Анастасия Сергеевна, — сказала Ася и вышла на плиту. — Для коллег — Ася.

— Зинаида Петровна, председатель, — сказала женщина тем тоном, как говорят «всё, решено». — Возьмите картошку.

В руки Асе прилетело ведро. Тяжёлое, эмалированное, с надписью фломастером «ЗИНА ДАЕТ».

— Это зачем?

— Это не взятка, это приветствие. Взятки у нас берут бидонами. Идёмте, у нас всё горит.

Горело, как выяснилось, в переносном смысле: всё понемногу, кроме сроков.

До кооператива шли пересохшей песчаной дорогой, между канавами с жёлтой травой. Бабье лето доживало последние дни: на кустах блестела паутина, воздух пах яблоками и дымом. Ася считала шаги. К воротам она пришла на восемьсот двенадцатом шаге.

— Девятьсот, — сказала Зинаида Петровна, не оборачиваясь.

— Восемьсот двенадцать. У меня шаг короче.

— У меня тоже шаг короче, а итог девятьсот, — сказала председатель. — Значит, девятьсот. Вы у нас надолго, так что скажу сразу: у нас расстояния меряют не шагами, а тем, кто кого увидел.

Над воротами висела железная арка с надписью «СНТ ЛИПКИ». Лип в «Липках» не было: были яблони, смородина и одна берёза, которую в 1987 году оформили как липу, чтобы название не пропало. Рядом с аркой стояла будка, в будке сидел старик в тёплой шапке и писал в толстой тетради.

— Дядя Витя, сторож, — представила Зинаида Петровна. — Он всё записывает. Всё, что происходит. Это наш отдел контрразведки.

— Вы кто? — спросил дядя Витя у Аси, не поднимая головы.

— Кадастровый инженер.

— С прибором.

— С прибором.

Он записал. Ася не смогла не заметить, что почерк у него лучше, чем у большинства инженеров, с которыми она работала.

Зинаида Петровна шагала по главной линии быстро и говорила ещё быстрее. Программа областная. Шестьдесят четыре участка. Межевание всех сразу, за счёт областной субсидии, но с условием: акт согласования границ должен быть подписан каждым соседом. До пятнадцатого ноября. Все акты или ничего: один неподписанный лист — и вся работа считается несданной, а субсидия возвращается целиком, а участки остаются, как были, «ориентировочными».

— Контора ваша всё лето мерила, подписано шестьдесят два, — сказала Зинаида Петровна. — Не подписано два. Вас прислали за ними.

— Какие?

— Семнадцатый и восемнадцатый. Соседи.

— Граница спорная?

— Спорная? — Зинаида Петровна рассмеялась и сразу перестала. — Тридцать лет не разговаривают. Сорок сантиметров. Каждый говорит, что сосед у него украл.

— Сорок сантиметров, — повторила Ася.

Для неё это была не история, а число. Для участка в шесть соток сорок сантиметров — это даже не ошибка, а допуск: ни один строитель не стал бы из-за них ничего переделывать. С такими цифрами она имела дело каждый день.

— Это же допустимая погрешность, — сказала она. — В большинстве проектов подобное вообще не замечают.

— Вот вы им так и скажете, — заметила Зинаида Петровна без тени сомнения. — Только не сегодня. Сегодня у Тамары Ивановны варенье, она добрая. Мы же вас в домик заселим. Домик ничей: ни те, ни другие туда не ходят, так что место спокойное.

— Почему спокойное?

— Завтра узнаете. Добро пожаловать.

Домик номер девятнадцать стоял в конце линии, через проезд от двух домов, которые Ася увидела один раз и сразу запомнила. Они стояли вплотную, как два человека в лифте, не глядя друг на друга. Один — синий, с верандой и старой яблоней. Другой — зелёный, с крыльцом и двумя дежурными банками варенья на подоконнике. Между ними тянулись два забора из сетки, вплотную, но не касаясь, а у дороги стоял красный столбик, выше всех кольев.

Зинаида Петровна вручила ключ, отсалютовала и ушла, оставив Асю с ведром картошки. В домике пахло сушёными яблоками и чем-то старым, деревянным. На столе стояла банка без этикетки, у печи — корзина с дровами и бумажная записка: «Говорите с нами по очереди. З. П.»

Она поставила ведро на пол, подошла к окну и снова посмотрела на столбик. У подножия столбика к забору была прибита фанерная табличка: «ЗДЕСЬ ГРАНИЦА». Сорок сантиметров левее, на коротком колышке, — такая же, в таких же словах, только другим почерком. Между табличками росла трава. Полоса травы, не выкошенная тридцать лет, потому что косить её пришлось бы на чужой земле.

Ася на глаз оценила ширину. Сорок сантиметров, плюс-минус ноль. Достать рулетку она не стала. Впервые за много лет она просто смотрела.

— Ладно, — сказала она пустой комнате. — Посмотрим, что вы за погрешность.

Глава 2. Две записки и одна банка

«Журнал происшествий. 14 сентября, 17:55. К девятнадцатому пошли с банкой. Туда. Обратно с банкой не пошли. Подозрительно».

Домик номер девятнадцать строили не для жизни, а для переживания лета: дощатый, с верандой в два шага, с печкой, которая топилась только в мыслях прежних хозяев, и с кроватью, пружины которой помнили ещё советскую власть. Ася обошла его, как обходила любой объект, и по привычке прикинула: пять на шесть, по внешнему обмеру тридцать квадратных метров, перекос по диагонали сантиметра два. Домик стоял, как стоят люди, которые давно решили не падать.

Она открыла окно. Пахло яблоками и сырым деревом. Приёмник она поставила на подоконник, штатив — в угол, ноутбук — на стол и достала из сумки тетрадь в клетку. На обложке было написано: «Допуски». Туда Ася записывала всё, что не сходилось, но могло ещё сойтись. Тетрадь была четвёртой по счёту. Первые три закончились раньше, чем допуски.

В дверь постучали так, как стучат люди, которые после стука всё равно войдут. В проёме стояла маленькая круглая женщина в стёганой жилетке цвета старого чая, с трёхлитровой банкой, которую она держала, как знамя. За ней вытягивался двухметровый юноша в наушниках, с рюкзаком, из которого торчали пропеллеры.

— Я на минуточку, — сказала женщина, входя. — Узнать, вы чьи.

— Ничья, — сказала Ася.

— Так не бывает.

— Я приехала измерять границы. Это не про «чья».

— Это ровно про «чья», — сказала женщина и поставила банку на стол. — Чёрная смородина, позапрошлогодняя, она вкуснее. Тамара Ивановна Сиротина, восемнадцатый участок. Это внук Кирилл, не обращайте внимания. Кирилл, не обращай внимания.

Кирилл поднял руку в приветствии, не вынимая наушников.

Тамара Ивановна опустилась на единственную табуретку так, будто табуретку выделили ей по разнарядке, и сказала:

— Я вам сейчас в двух словах. Ночью, в девяносто четвёртом, Ермолин-старший, Андрей Фёдорович, царствие ему небесное, хоть и не заслужил, вышел с лопатой. И сдвинул столбик на сорок сантиметров. К нам.

— Вы видели?

— Я? Я спала. Зато утром видела: столбик дальше. Тогда я перемерила. Своей рулеткой. Советской.

— Тамара Ивановна, рулетка — это не доказательство. Её можно перекосить, не дотянуть…

— Мою не трожь. Она у меня от мужа, он на заводе работал.

Ася потерла переносицу. За годы в кадастре она слышала много аргументов, но «муж на заводе работал» пока не встречалось.

— Бабушка, это не доказательство, — сказал Кирилл, второй раз в жизни достав один наушник.

— А ты у нас кто?

— Я никто. Я могу сфотографировать это сверху. — Он посмотрел на Асю впервые по-настоящему. — У меня дрон с тепловизором. Вам вообще понадобится аэросъёмка?

— Понадобится, — сказала Ася. — С какой точностью вы привязываете снимки?

— Бабушка, она реально спросила про точность, — сказал Кирилл недоверчиво, как говорят о найденном кладе.

— Всё, — сказала Тамара Ивановна и поднялась. — Вы наша.

— Я ничья.

— Пока ничья. Завтра будете наша. Банку не открывайте до обеда, — добавила она у двери. — Она с характером.

Когда они ушли, в домике стало тихо так, будто из него вынесли всю мебель. Ася посмотрела на банку. Банка посмотрела на Асю.

Её начали делать «нашей» ровно за тридцать четыре минуты. На часы она посмотрела уже после: старая привычка.

Записку она нашла в восемь вечера, когда вышла на веранду налить воды из бочки. Лист бумаги в клетку был прикноплен к двери снаружи, аккуратно, как в конторе. Ася не слышала, как его прикнопили, и поняла: ждали, пока уйдёт Сиротина.

«Уважаемая А. С. Бородина! Приглашаю Вас завтра в 9:00 на участок №17 для ознакомления с материалами дела. Иметь при себе паспорт и блокнот. Варенье с участка №18 принимать не рекомендую: сахара в нём больше, чем правды. Г. А. Ермолина, бывший директор школы».

Ася перечитала дважды. «Материалы дела» были про забор. Дело, по всей видимости, открыто в девяносто четвёртом и не закрыто до сих пор. Она вернулась в домик, села за стол и открыла тетрадь.

«Заказчик: СНТ. Сторон: две. Срок: 62 дня. Расхождение: 0,40 м. Причина: не установлена».

Подумала и дописала: «Свидетелей нет. Есть две рулетки и одна банка».

В десять вечера по проезду прошёл дядя Витя с фонарём. Он остановился у красного столбика, посветил, постоял и что-то записал в тетрадь. Ася подумала, что в этой истории пишут всё, кроме главного.

Глава 3. Сорок сантиметров

«Журнал происшествий. 15 сентября, 06:00. Новая вышла с прибором. Лиса вышла вторая. Встреча не состоялась».

Ася встала в пять сорок, как встаёт всякий, у кого в день назначено что-то важное, и весь день уже просчитан по минутам. Важных дел было два: в девять на участке №17 её ждала Галина Андреевна Ермолина «для ознакомления с материалами дела», и до этого требовалось успеть сделать самое простое: измерить то, что есть. Никаких версий, никаких банок. Только спутники и координаты.

Базовую станцию она поставила у водонапорной башни, на бетонной тумбе с латунной маркой «1987»: это был старый опорный пункт. На тумбе была мотком прикручена выцветшая лента, и кто-то повесил на неё ключ от калитки. Ася сняла ключ, повесила на сучок безымянной рябины и надела на тумбу антенну. Двадцать два спутника, точность в плане два сантиметра. Для дачного кооператива это была роскошь, как хрустальные бокалы в бараке.

В десять минут седьмого за спиной хрустнула ветка.

— Привет, — сказал Кирилл. Он стоял с велосипедом и рюкзаком, без наушников, и неловко умещал на себе свои два метра роста. — Бабушка сказала помогать. Бабушка сказала следить. Я выбрал помогать.

— Спасибо. Со слежкой я бы справилась сама.

— Слежку я тоже привёз, — честно сказал Кирилл. — Но в форме помощи.

Так они и работали: она с вехой, он с планшетом, в который записывал всё, что надо, и даже что не надо. Двадцать минут спустя Ася заметила, что уже не считает минуты: считает только точки.

Точки становились всё интереснее.

У дороги, на стыке двух заборов, стоял красный столбик. Вблизи он оказался обыкновенным отрезком трубы, который кто-то врыл в землю и покрасил красной краской — той, которую оставляют на вечные времена. Краска оказалась честной: не выцвела. У подножия столбика была прибита табличка «ЗДЕСЬ ГРАНИЦА» — ермолинская, как догадалась Ася по аккуратному почерку, а сорок сантиметров левее, на колышке, торчала сиротинская, с красными потёками на букве «З», будто написанная в гневе.

Ася поставила веху у первой таблички. Дождалась фиксации. Перенесла ко второй. Дождалась снова. Вычислила разницу.

— Тридцать девять сантиметров, — сказала она.

— Сорок, — сказал Кирилл, глядя в планшет.

— Тридцать девять плюс-минус два. Повторим.

Повторили трижды. Сорок сантиметров получались каждый раз, как будто они были нарисованы циркулем. Приборы не принимали ничьей стороны: они просто показывали, что между двумя табличками — сорок сантиметров травы, и ничего про то, кто в этих сантиметрах прав.

Следующим она открыла план кооператива, копию которого председатель вчера вручила вместе с картошкой. Чертёж 1983 года, ручной, на пожелтевшей кальке. Граница между семнадцатым и восемнадцатым участками была проведена мягким карандашом, и линия была толщиной в миллиметр. В масштабе пятьсот миллиметр карандаша — это полметра земли.

Ася провела пальцем по этой линии и поняла: чертёж не поможет. Сорок сантиметров помещались в толщину одной карандашной линии. Спор длиной в тридцать два года держался на нитке графита. В тетради «Допуски» она записала: «1994 → 2026. Тридцать два года. Все говорят „тридцать“. Округляют. Я не округляю». И ниже, мелко: «Нужен каталог координат к проекту: цифры карандашом не толстеют. В председательской копии его нет».

— А что там? — спросил Кирилл.

— Там карандаш, — сказала Ася. — И всё, что мы об этом знаем.

Она дописала в «Допуски», на полях: «План в 1:500. Линия — толщина карандаша. Без привязки к опорной сети». А затем, подумав, дописала: «Зато уверенность у обеих сторон — стопроцентная».

В последний раз она выставила веху у самого столбика, для контроля, когда за спиной зашуршал гравий. Кирилл вдруг кашлянул, и кашель был уже не кашлем, а сигналом.

Ася не обернулась. Она дождалась секунды фиксации, потому что точку нельзя бросать на полпути, и только тогда подняла голову.

Между ней и столбиком стоял человек. В резиновых сапогах, в старой школьной куртке цвета мокрого асфальта, с красной ручкой за ухом и стопкой тетрадей под мышкой. Он стоял ровно там, где только что была её веха, и смотрел на прибор тем взглядом, каким учитель смотрит на ученика, принесшего в класс смартфон: без злости, но и без надежды.

— Отойдите, — сказал он. — Вы стоите на моей земле.

Глава 4. Государственная земля

«Журнал происшествий. 15 сентября, 08:31. Двое стоят у столбика. Говорят вежливо. Подозрительно».

— Это моя земля, — повторил он, на случай, если она не расслышала, и для убедительности кивнул на землю под своими сапогами.

Ася посмотрела на сапоги. Потом на веху. Потом на Кирилла, который притворялся, что изучает небо.

— Вы стоите на проезде, — сказала она. — Проезд есть земля общего пользования. Мы с вами оба стоим на неразграниченной.

— Это вы так считаете.

— Это считает приёмник, — Ася кивнула на веху. — Двадцать два спутника. В этом вопросе они единодушны.

— Спутники здесь не живут.

Он говорил тихо и ровно, без нажима: так говорят люди, привыкшие, что их слышно на последней парте так же, как на первой. Ему было лет тридцать восемь, лицо — из тех, что выглядят усталыми с детства, и серые глаза, которые смотрели бы приветливо, если бы не держались так крепко за недоверие.

— Матвей Сергеевич, — сказал он. — Для учеников и для вас.

— Анастасия Сергеевна.

— Брат и сестра? — спросил Кирилл.

Оба посмотрели на него одинаково, и Кирилл поправился:

— Нет. Я не то имел в виду.

— Ваш помощник, — сказал Матвей Сергеевич, и это звучало как вопрос, поданный как обвинение, — внук Тамары Ивановны.

— Помощник сам себя назначил, — сказала Ася. — Я пока не возражаю.

— Странно, — сказал он. — Я думал, вы будете кричать.

— Я не кричу на тех, с кем пока не знакома. Я кричу на погрешности, когда они плывут. Потому что им обычно всё равно.

Он посмотрел на неё внимательно, как смотрят на карту, на которой вдруг нашли не тот масштаб.

— Я не подпишу акт, — сказал он. — Сразу говорю, чтобы вы не тратили на меня время.

— Какой акт?

— Акт согласования границ. Вы же за ним приехали. Зинаида Петровна рассказала мне вчера по телефону. Она позвонила в одиннадцать вечера, чтобы мы всё поняли правильно.

— Почему не подпишете?

Его пауза была дольше, чем требовала бы простая вежливость.

— Вы знаете, как говорят про этот столбик? «Ермолины украли». Тридцать лет. Мой дед, Андрей Фёдорович, был человек, который вернулся через две остановки, если продавщица ошибалась в его пользу. Я не подпишу бумагу, в которой написано, что его столбик стоит не там.

— Акт не про вашего деда, — сказала Ася. — Акт про координаты.

— Всё про деда. Просто вы про это не знаете.

Сказано было без пафоса, почти скучно, и именно поэтому звучало как правда. Ася не знала, что на это ответить. Она вообще не всегда знала, что отвечать людям, которые не ошибаются в цифрах, но без цифр уверены в своём.

— Если границу сдвинули, я это покажу, — сказала она. — Если не сдвинули, тоже покажу.

— А если окажется, что сдвинул дед?

— Тогда это будет цифра.

— Цифры, Анастасия Сергеевна, куда-нибудь сдвигаются, — сказал он и впервые за всё утро улыбнулся: коротко, одним углом рта, без радости. — Ваш прибор наверняка показывает миллиметры. А вот кто там стоял на этой земле в девяносто четвёртом, он не покажет.

Ася открыла рот, чтобы ответить, и закрыла, потому что ответа у неё не было. Это случалось с ней почти каждый день, но первый раз при свидетеле, который не был прибором.

— Мама ждёт вас в девять, — сказал он. — Сейчас восемь тридцать восемь.

— У меня ещё двадцать минут.

— Мама считает, что приходить нужно за десять минут. Прийти вовремя — первая форма неуважения.

— Тогда вторая форма, надо понимать, опоздание?

— Вторая — это не прийти вообще, — сказал Матвей Сергеевич без тени иронии. — Третья — прийти с прибором.

Ася начала собирать штатив. Она собирала его обычно за десять минут, а тут, под взглядом учителя географии, умудрилась за четыре — личный рекорд. Кирилл уложил планшет, навесил на себя рюкзак и покатил велосипед по проезду, стараясь быть менее заметным, чем позволяли два метра роста.

Веху, которую Ася для контроля отложила в траву, Матвей поднял сам. Он приложил её к столбику, посмотрел на пузырёк уровня, на таблички, снова на пузырёк, и сказал:

— На два сантиметра правее. Вы первый замер не от основания столбика делали, а от травы. Трава здесь наклонена.

Ася посмотрела на экран. Он был прав. Ровно на два сантиметра, конечно.

Это нравилось ей больше всего.

Глава 5. Дело №1

«Журнал происшествий. 15 сентября, 08:58. Бородина зашла к Ермолиным в 9:01. Ермолина зафиксировала 9:03. Расхождение часов — две минуты. Записал: у всех своё время».

Участок №17 был синий, и это был один из тех редких домов, которые выглядят так, будто их построил не плотник, а человек с устоявшимися взглядами. Аккуратные наличники, прямая крыша, перекрашенный в прошлом году забор и старая яблоня, у корня которой кто-то выложил белыми камушками бордюр. Спереди была веранда, остеклённая мелкими квадратами, и построена она была вплотную к уличному забору, так, как строят люди, которые доверяют линии. От бокового забора, того самого, спорного, хозяин отступил три метра шестьдесят: под канаву, под свет. Ася прошла мимо неё и не подумала ни о чём, кроме времени: восемь часов пятьдесят восемь минут.

Дверь открыла гранитная женщина лет шестидесяти с лишним: высокая, седая, с уложенной на затылке косой, в блузке, застёгнутой до подбородка, и с голосом, которым вызывают к доске.

— Вы пришли в девять ноль три, — сказала она. — Я приму это в качестве смягчающего обстоятельства: у вас был контакт с моим сыном. Проходите.

Ася посмотрела на часы. Девять ноль один. Настенные часы за спиной хозяйки показывали девять ноль три: они спешили, и, судя по виду, спешили давно и с гордостью. Она не стала ничего говорить.

В главной комнате стоял стол, накрытый белой скатертью, и на скатерти лежала папка. На папке красным фломастером было выведено: «ДЕЛО №1. О СТОЛБИКЕ». Рядом — два стакана в подстаканниках и блюдечко с сухарями, нарезанными одинаковыми квадратиками. У окна, спиной к столу, сидел Матвей и проверял тетради с видом человека, который здесь совершенно не присутствует.

— Присаживайтесь, — сказала Галина Андреевна. — Я вкратце изложу обстоятельства дела. Ваша задача — установить истину и зафиксировать её в акте.

— А если истина окажется неудобной?

— Истина неудобной не бывает, — сказала Галина Андреевна. — Бывают неудобные люди.

Она открыла папку. Внутри лежали листы в прозрачных файлах, пронумерованные в углу красной ручкой, и на каждом — лиловый оттиск: «ПРОВЕРЕНО».

— Вот обстоятельства, — сказала она. — Первое: в сентябре девяносто четвёртого года дожди лили две недели. Второе: залило канаву на проезде. Третье: после того как вода ушла, столбик стоял там же, где и стоял. Четвёртое: в девяносто пятом Николай Петрович Сиротин, покойный муж Тамары Ивановны, прибил свою табличку в сорока сантиметрах от законного знака и объявил полосу своей. Молотком, фанерой и совестью, которой у него не было.

— Вы видели?

— Я — нет. Есть показания. — Галина Андреевна вытащила лист. — Гражданка Лукьянова, участок №22. Ночью двадцать первого сентября видела свет фонаря на границе.

— Гражданка Лукьянова жива?

— Скончалась в две тысячи девятом, — сказала Галина Андреевна. — Показания при этом остаются в деле.

— Мам, — не оборачиваясь, сказал Матвей, — штамп — это ластик с вырезанной буквой.

— Штамп — это форма, Матвей, — сказала Галина Андреевна. — А форма и есть содержание.

Ася просмотрела всё, что было в папке. Два показания, один рисунок от руки (линия и два прямоугольника, подписанные «МЫ» и «ОНИ»), вырезку из костромской газеты про дожди девяносто четвёртого и список из пяти фамилий, в котором три были зачёркнуты. Доказательств на папку было мало, но уверенности — на целый архив.

— У меня вопрос, — сказала она. — Почему вы уверены, что столбик стоял именно на этом месте до наводнения? Вы же не мерили тогда.

— Я что, по-вашему, не знаю границ собственного участка?

— По-моему, вы их знаете, — сказала Ася. — Но не всегда видели.

Галина Андреевна посмотрела на неё тем взглядом, каким смотрят на ученика, впервые сдавшего правильный ответ на неправильный вопрос.

— Матвей вам всё покажет, — сказала она. — У нас всё открыто. Кроме того, что закрыто.

Матвей выпроводил её на крыльцо. С крыльца было видно и столбик, и веранду, и домик номер девятнадцать на той стороне проезда.

— Не берите мамин тон всерьёз, — сказал он. — Всерьёз берите только её сроки.

— А тон какой?

— Такой, что ваша вежливая сухость против него — детский лепет.

— Откуда вы знаете про мою вежливую сухость? — спросила Ася.

— Понял по вашим рукам, — сказал он. — Вы держите веху как человек, который готов бросить её и уйти, но не бросает.

Ася проверила свои руки. На них ничего не было. Ещё одна причина не любить этого учителя.

После обеда она пошла к тому, у кого не было ни штампа, ни банки, ни версии. Дядя Витя сидел в будке у ворот и пил чай из стакана с держателем, над которым висела полка с толстыми тетрадями: тридцать семь штук, по одной на год, с 1989-го.

— Девяносто четвёртый, — сказала Ася. — Сентябрь.

— Это не моя, — сказал дядя Витя. — Я с девяносто шестого. Тетрадь девяносто четвёртого вёл Семёныч. Он сначала писал, потом рисовал. Потом умер.

Он снял с полки тёмную тетрадь с надписью «1994» и протянул её Асе, как протягивают спящего ребёнка: осторожно, обеими руками.

Ася нашла сентябрь. Двадцать первое число было пустым: там, где должна была быть страница, осталась только узкая белая полоска на корешке. Вырезана ровно, по линейке, бритвой. Рука, которая резала, была не злой. Рука была аккуратной.

— Это вы вырезали? — спросила она.

— Я? — дядя Витя обиженно взял тетрадь обратно. — Я страницы не режу. Я их заполняю. Вырезано уже было, когда я пришёл. А дальше читайте.

Двадцать второе сентября было записано тушью, крупно, как делают люди, у которых больше нет сил писать мелко: «Вода ушла. Столбик на месте. Геодезисты уехали».

— Какие геодезисты? — спросила Ася.

— Какие-какие, — сказал дядя Витя. — Приезжали. Мерили. Уехали.

Ася достала тетрадь «Допуски» и записала в неё, под третьим пунктом: «Геодезисты, 22.09.1994. Кто? Найти в архиве». Подумала, дописала рядом: «Три версии, два штампа, одна вырезанная страница».

Дядя Витя заметил, что она пишет, и сказал:

— У вас тоже тетрадь.

— У меня тоже.

— Тогда мы с вами поймём друг друга, — сказал он, и это была первая фраза за два дня, которую Ася приняла без контроля.

Глава 6. Общее собрание

«Журнал происшествий. 19 сентября, 19:00. Явка сорок один. Кворум есть. Согласия нет».

Правление СНТ «Липки» помещалось в бывшей бытовке с буржуйкой и сорока пластиковыми стульями, которых на один всегда не хватало. Для кворума было достаточно трёх вещей: одного стула для дяди Вити, одного — для Кирилла и половины пола, чтобы остальные стояли.

Зинаида Петровна сидела за столом с кастрюлей под локтем. Потом выяснилось: вместо молотка у неё был половник. Она стукнула им об стол два раза, и в помещении стало тихо, потому что такой звук невозможно было проигнорировать.

Ася стояла у стены, рядом с проектором, который принёс Кирилл, и считала людей. Сорок один. В первом ряду сидела Тамара Ивановна, в парадной кофте, и напротив — Галина Андреевна, в блузке, застёгнутой до подбородка. Между ними было ровно три стула, и Ася оценила точность этого расстояния: три стула — это два метра, ни сантиметра меньше, чтобы никто не мог сказать, что сидит рядом. Матвей стоял у двери, скрестив руки, и смотрел на потолок, будто на нём была написана контрольная.

На задних стульях сидела молодая пара в льняной одежде цвета овсянки, с термосом, от которого пахло куркумой. Её звали Катя, его — Лёша; они купили участок №16 в августе «для осознанности» и пока осознали только то, что картофель растёт под землёй, а не над ней. А у двери, на пороге, стоял старик в серой фуражке и держал в руках очки в футляре; внутрь он не заходил. Самый аккуратный человек в помещении, подумала Ася, и какой-то несовместимый с собранием.

— Первый вопрос, — сказала Зинаида Петровна. — Межевание. Докладывает Анастасия Сергеевна. Без вопросов по личности.

Ася вышла вперёд. Она умела говорить перед залом инженеров, перед заказчиками и перед проверяющими, но перед сороковкой пластиковых стульев — не приходилось.

— Работа оплачена областной программой, — начала она. — У меня два месяца. К пятнадцатому ноября я должна сдать акты согласования границ по всем шестидесяти четырём участкам. Шестьдесят два уже готовы. Остались семнадцатый и восемнадцатый.

Гудело уже после слов «семнадцатый и восемнадцатый». Не громко, а как-то внутри, сразу всем залом: так гудит проводка, когда по ней пускают ток.

— А нельзя без этих двоих? — спросил из тёмного угла чей-то голос.

— Нельзя, — сказала Ася. — Граница общая. Её подписывают оба соседа, иначе она считается несогласованной. А если несогласована хотя бы одна, вся работа по кооперативу считается несданной.

— Вся? — спросила пожилая женщина в среднем ряду.

— Вся. Деньги возвращаются, а участки остаются «ориентировочными», — сказала Ася и увидела, как на лицах появляется то самое выражение: «ориентировочные» на даче звучало хуже, чем «просроченные».

— Предлагаю компромисс, — сказал молодой человек в льняной рубашке и поднялся. — Лёша, участок шестнадцатый. Я вообще сторонник подхода win-win. Сорок сантиметров: по двадцать каждому. Столбик — в середину. Катя, скажи.

— Я просто чувствую, что здесь нужно место для диалога, — сказала Катя.

Тамара Ивановна и Галина Андреевна повернулись к ним одновременно. Это было первое за тридцать лет действие, которое они сделали вместе.

— Нет, — сказала Тамара Ивановна. — У меня рулетка.

— Предложение отклоняется, — сказала Галина Андреевна, — как не соответствующее фактам.

— Вот видите? — сказала Катя не обращаясь ни к кому в отдельности. — Диалог уже начался.

Зинаида Петровна стукнула половником. Дважды. Помогло не сразу.

Собрание тянулось ещё час. Голосовали за то, чтобы доверить Асе все замеры и выяснение обстоятельств: тридцать девять за и две воздержавшихся. Воздержались, как выяснилось, Тамара Ивановна и Галина Андреевна: каждая — потому что другая была «за».

— Итого, — сказала Зинаида Петровна, и в голосе было что-то похожее на облегчение. — Решение принято. Надо найти того, кто сдвинул столбик. Найдёте, Ася?

Ася посмотрела на зал. На лицах была надежда, на лицах было любопытство, на двух лицах — вызов. В последнем ряду стул был пуст. Старик в фуражке, так и не войдя, ушёл незаметно, когда речь зашла про «выяснить, кто». Стульев, на которых никто не сидел, было много, но этот стоял именно пустым: аккуратно задвинутым к стене, как делают люди, которые не хотят оставлять после себя беспорядка.

— Кто это был? — тихо спросила она у Зины после собрания, когда люди расходились.

— Анатолий Кузьмич Бережной, — сказала Зинаида Петровна, не отрываясь от кастрюли. — Старый геодезист. В восьмидесятых это он наш кооператив размечал. Каждый колышек руками.

— Он мне расскажет про девяносто четвёртый?

— Могу поспорить, — сказала Зинаида Петровна, — что не расскажет.

На крыльце правления, при свете единственного фонаря, который дядя Витя достал со столба, её окликнул Матвей.

— Двадцать сантиметров каждому, — сказал он. — Это не компромисс. Это раздел имущества.

— Это погрешность, — сказала Ася. — То, что нельзя измерить, делят пополам. Это нормальная практика.

— Вот и я говорю, — сказал Матвей. — Всё после любого деления — погрешность. Только не для тех, кто делит.

Вариант «пополам» был самым простым и самым опасным. Ася знала это не по теории, а по трём прошлым объектам: после такого решения две стороны в лучшем случае подписывали недовольство, в худшем — иски.

— Я найду, кто сдвинул, — сказала она.

— А когда найдёте, — сказал он, — скажите сначала мне.

— Почему вам?

— Потому что тридцать лет я живу на земле, часть которой, возможно, мне не принадлежит. — Он замолчал, словно сказал лишнее, и добавил: — Не это было в плане.

Он спустился с крыльца и ушёл по проезду, не оглядываясь. Ася стояла и смотрела ему вслед, пока не подошёл Кирилл с проектором под мышкой.

— Бабушка сказала, что вы ей нравитесь, — сообщил он. — Но она это отрицает.

— Спасибо, — сказала Ася. — Я запишу в допуски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.